

А. А. Киреев

**Славянофильство и
национализм. Ответ г.
Соловьёву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. А. Киреев**
Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву / А. А. Киреев – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56627-8

ISBN 978-5-458-56627-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

торое, считая, что Аксаковъ не понималъ, въ чемъ состоитъ истинный патріотизмъ, взялось указать ему разницу между истиннымъ и не истиннымъ патріотизмомъ. За то же самое берется и авторъ разсматриваемой статьи; онъ повторяетъ слова предостереженія и говоритъ, что націоналисты не понимаютъ истиннаго патріотизма (стр. 363).

Покойный Аксаковъ, получивъ предостереженіе, конечно, подчинился ему и напечаталъ его на видномъ мѣстѣ № 22 «Руси». Однако, онъ не пожелалъ принять преподаннаго ему поученія и остался при своемъ мнѣніи; думаю, что и современные славянофилы націоналисты поступятъ точно такъ же, и тоже останутся при своемъ мнѣніи, считая себя компетентными для рѣшенія вопроса, что истинный и что не истинный патріотизмъ.

«Внутреннее противорѣчіе между требованіями истиннаго патріотизма», говоритъ г. Соловьевъ, «желающаго, чтобы Россія была какъ можно лучше, и фальшивыми притязаніями націонализма, утверждающаго, что она и такъ лучше всѣхъ, погубило славянофильство, какъ ученіе». Таково начало статьи. Смѣло, категорично и—не вѣрно! Утверждать, что мы (славянофилы-націоналисты) находимъ, что Россія и такъ лучше всѣхъ, можно лишь извративъ все наше ученіе, не вѣдая нашей умственной, литературной дѣятельности. Мы утверждали всегда, что основы нашей жизни, идеалы русскаго народа лучше, правильнѣе другихъ, утверждаемъ и понынѣ, что ежели бы идеалы эти были осуществлены, ежели бы народные наши принципы были примѣ-

нены какъ слѣдуетъ къ нашей жизни, тогда бы мы, дѣйствительно, были лучше всѣхъ, но никогда мы не говорили что мы и такъ лучше всѣхъ. Мы, русскіе, не склонны къ похвальбѣ, въ этомъ отношеніи мы самый скромный, самый смиренномудрый народъ; въ англичанинѣ, нѣмцѣ, французѣ гораздо болѣе самомнѣнія, нежели въ русскомъ; каждый изъ нихъ считаетъ свой народъ первымъ, и готовъ объ этомъ всюду и всегда говорить и заявлять; мы же, русскіе, въ особенности мы, славянофилы, этого никогда не утверждали и не утверждаемъ. Стоитъ прочесть со вниманіемъ стихотворенія Хомякова или Тютчева, стоитъ взять руководящую статью «Извѣстій» или «Руси», чтобы въ этомъ убѣдиться. Авторъ очерковъ очевидно смѣшиваетъ выраженія нашей любви къ Россіи, наши надежды на будущее, съ похвалюбою, а это совсѣмъ не одно и тоже. Если К. Аксаковъ, на котораго преимущественно ссылается г. Соловьевъ, ставилъ русскій народъ очень высоко, то преимущественно за то, что онъ, какъ народъ глубоко христіанскій, носитъ въ себѣ крѣпкую вѣру, т.-е. залогъ всего хорошаго, залогъ того, что онъ можетъ быть лучше всѣхъ. Въ русскомъ народѣ нѣтъ чувства превозношенія себя надъ другими, которое найдется у всѣхъ народовъ, играющихъ выдающуюся роль въ исторіи, въ особенности послѣ какого-либо значительнаго успѣха; а мы и послѣ 1812 года писали на своихъ медаляхъ, «не намъ, не намъ, а имени Твоему», а, вѣдь, кажется было чѣмъ похвастаться, была причина для превозношенія себя и своихъ доблестей! Ежели бы мы дѣйствительно думали, что Россія

«и такъ лучше всѣхъ», мы бы были совершенно довольны, ни о чемъ бы не горевали, не хлопотали и совершенно бы успокоились на «нашихъ незаслуженныхъ лаврахъ». Самъ же г. Соловьевъ и въ разбираемой статьѣ и въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ приводитъ полныя горечи и негодованія слова нашихъ предшественниковъ, которыя выражаютъ недовольство, негодованіе на то, что дѣла наши идутъ не хорошо, что наши принципы не примѣняются къ жизни ни у насъ дома, ни за предѣлами Россіи, что наша жизнь идетъ съ ними въ разладъ. Развѣ бы мы такъ говорили, ежели бы думали, что мы «и такъ лучше всѣхъ»? Изъ-за чего же бы боролись всю жизнь всѣ тѣ, которыхъ критикуетъ г. Соловьевъ, ежели бы они думали, что въ Россіи все хорошо, и что она и такъ лучше всѣхъ? Съ какой бы (статьи стали умирать наши добровольцы на поляхъ Болгаріи и Сербіи, если бы дѣла наши за границею дѣла нашихъ единоплеменниковъ, которыя мы считаемъ своими), шли какъ слѣдуетъ, шли хорошо? Напротивъ, мы думаемъ, что дѣла, въ особенности внѣ политическихъ границъ Россіи (въ области остальной православной церкви и остальнаго славянства), стоятъ совсѣмъ не такъ, какъ бы было желательно, и стараемся, какъ старались и прежде, выяснить, въ чемъ именно заключается ошибка, гдѣ именно «фальшь». Къ сожалѣнію, мы ни разу еще не могли повторить самодовольныхъ словъ, приписываемыхъ князю Бисмарку при провозглашеніи германской имперіи: *Könnte doch die Geschichte still stehen!* Мы знаемъ, что до такого возгласа— намъ еще далеко, что намъ до того еще много при-

дется поработать (и преимущественно надъ самими собою) и еще много пострадать; но мы, правда вѣруемъ, что такая минута настанетъ, что испытанія, которыя намъ посылались и посылаются, насъ не сокрушатъ, а напротивъ усилятъ, улучшатъ; думаемъ, что когда наши принципы будутъ приняты окончательно и примѣнены къ жизни—когда каждый изъ насъ ихъ усвоитъ и будетъ примѣнять и къ общественной и къ своей частной дѣятельности, тогда дѣйствительно Россія будетъ «всѣхъ лучше». Но мы знаемъ, что это дастся намъ не легко, потому что мы сами еще не стали въ урочень съ нашими идеалами, а отчасти и потому, что кромѣ себя, должны заботиться еще и о нашихъ единоплеменникахъ и нашихъ единовѣрцахъ. Мы думаемъ, что мы будемъ имѣть право успокоиться лишь тогда, когда и имъ будетъ хорошо, когда и они будутъ свободны и счастливы, когда и они будутъ «лучше всѣхъ».

Мнѣ не разъ приходилось все это высказывать и устно и печатно, и не разъ приходилось слышать такой укоръ: «что вы мечтаете, что вы фантазируете! Къ стати-ли вамъ, къ лицу-ли, заботиться о судьбѣ какого-нибудь православнаго сирійца или боснійскаго славянина, когда у васъ у самихъ всякіе безпорядки и недочеты, когда у васъ и желѣзныхъ дорогъ недостаточно, и торговаго флота нѣтъ, и капиталъ еще непомѣрно дорогъ.... что тутъ заботиться о болгаряхъ или чехахъ!? Вы, правда, очень сильны, но вѣдь этого недостаточно; вамъ слѣдуетъ сдѣлаться богатыми, слѣдуетъ у самихъ себя завести порядокъ, тогда, пожалуй, думайте и о

другихъ». Это, повидимому, практическое сужденіе въ сущности очень непрактично, и въ сущности очень «близоруко», и къ намъ совсѣмъ не примѣнимо. Тѣмъ-то мы и сильны, что хоть плохо рассчитываемъ, да сильно вѣруемъ и любимъ, что заботимся не только о себѣ, но и о другихъ, когда и у себя еще не все ладно; тѣмъ-то мы и «православные», и христіане, что не умѣемъ быть умными эгоистами, что способны отъ своего недостатка давать нуждающемуся, какъ тѣ нищіе, которые отдавали моему покойному брату, собиравшему въ церкви «на братьевъ славянъ» послѣдніе свои гроши, получаемые ими «Христа ради»! Вотъ ежели бы мы всѣ такіе были, какъ эти нищіе—Россія была бы дѣйствительно всѣхъ лучше! вотъ, въ этомъ отношеніи, за эту способность безразсчетной любви и любилъ К. Аксаковъ нашъ народъ, въ этомъ чувствѣ онъ видѣлъ проявленіе христіанства, и за это, а не за что другое, ставилъ такъ высоко русскій народъ. Но недостаточно еще носить правду въ своемъ сердцѣ, нужно быть еще и энергическимъ ея осуществителемъ; это и мы понимаемъ и понимали наши предшественники.

Все на той же, первой страницѣ авторъ сравниваетъ старыхъ славянофиловъ съ новыми, съ позднѣйшими ихъ преемниками, т. е. нами, конечно, еще болѣе псевдопатріотами, еще менѣе понимающими патріотизмъ, и отдаетъ преимущество старымъ; я согласенъ съ авторомъ, что старымъ славянофиламъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ нами; поколѣніе наше, дѣйствительно, поизмельчало, но взгляды наши нисколько не перемѣнились;

они ни въ какомъ отношеніи не измельчали, не стали ниже тѣхъ взглядовъ, тѣхъ убѣжденій, которыхъ придерживались наши предшественники. Правда, среди насъ нѣтъ такихъ крупныхъ дѣятелей въ области мысли, въ области публицистики, какіе бывали прежде. Поколѣніе, начавшее жить мыслью въ шестидесятыхъ годахъ, не произвело такихъ людей, какъ предыдущее поколѣніе, начала пятидесятихъ и въ особенности сороковыхъ годовъ. Должно замѣтить, однако, что это «измельчаніе представителей извѣстной идеи» — явленіе, повторяющееся постоянно и во всѣхъ случаяхъ, когда идея эта или совершенно перестаетъ жить въ обществѣ, или, напротивъ, дѣлается общимъ достояніемъ, когда она изъ области мысли переходитъ въ область дѣйствія; въ особенности, когда она въ началѣ своей жизни была стѣснена внѣшними условіями; такъ было и съ нами. Мысль подобна потоку, который, стѣсненный крутыми берегами, течетъ бурно и глубоко, а спустившись на равнину захватываетъ, правда, гораздо большее пространство, но течетъ мелче и тише. Это явленіе сопровождается всегда распространеніемъ, «популяризацію» мысли, а что теоріи наши распространяются, дѣлаются достояніемъ всего русскаго общества и всего славянства—это, кажется, очевидно. Факту этому можно не сочувствовать, но его нельзя отрицать. И за границей, и внѣ славянства націоналистическія теоріи постоянно распространяются и усиливаются. Будущность—принадлежитъ имъ, и принадлежитъ—по праву истины; распространеніе ихъ не удержалъ священный союзъ, не удержатъ и лиги мира, сколько бы

ихъ ни придумывали. Этому могутъ не видѣть лишь люди отъ рожденія слѣпые, или самоослѣпляющіеся. Исторія Европы со времени Вѣнскаго конгресса есть лишь осуществленіе націоналистической идеи; насъ же русскихъ, какъ специальныхъ, вѣрнѣйшихъ ея носителей (не смотря на то, что мы считали себя связанными теоріями священнаго союза), идея націоналистическая заставила перешагнуть черезъ Балканы, побѣдить при Наваринѣ, даровать свободу болгарамъ, закончить освобожденіе сербовъ и дойти до Санъ-Стефано, и, конечно, ранѣе или позже, съ большими или меньшими жертвами, исторія доведетъ насъ до границъ, указанныхъ намъ Провидѣніемъ!... Благо тѣмъ, которые поймутъ ея рѣчи—и горе тѣмъ, которые не захотятъ ихъ слышать. Мало-по-малу, повидимому, и остальные славяне начинаютъ понимать это, повидимому, и они уразумѣли, наконецъ, что Россія обнажаетъ свой мечъ не для поработенія, а для освобожденія славянъ *), что отъ насъ имъ нечего опасаться **).

Соглашаясь съ авторомъ статьи, что на почвѣ науки и публицистики теперь между нами нѣтъ та-

*) Отношенія наши къ Польшѣ (такъ назыв. вопросъ польскій), были не разъ разобраны и оцѣнены по достоинству и на страницахъ «Руси» и на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества».

***) Конечно, изученіе русскаго языка много будетъ способствовать установленію между славянами правильныхъ взглядовъ на Россію, на ея народъ, и на ея вѣру; недаромъ оиъ такъ преслѣдуется въ Австріи, недаромъ ставленникъ Австро-Венгріи въ Болгаріи привываетъ въ главную школу Софіи людей, враждебныхъ Россіи.

кихъ крупныхъ дѣятелей, какъ, напр., Хомяковъ, Аксаковы и Самаринъ (беру тѣхъ, коихъ имена приводить авторъ), я долженъ замѣтить, что и между нашими противниками замѣчается тоже самое, и они измелъчали (хотя и не потому, слава Богу, что ихъ взгляды сдѣлались общимъ достояніемъ). Въ враждебномъ намъ лагерѣ тоже нѣтъ такихъ крупныхъ людей, какъ, напр., Чаадаевъ, іезуитъ Мартыновъ или Герценъ. Привожу эти три имени потому только, что и Чаадаевъ, и Герценъ, и Мартыновъ были наиболѣе крупные представители враждебныхъ намъ направленій и могутъ считаться прототипами нашихъ теперешнихъ противниковъ, принадлежащихъ тоже къ двумъ весьма различнымъ категориямъ; люди эти поклонялись и служили именно тѣмъ идеаламъ, которымъ не хотеть поклоняться и никогда не поклонится Россія, пока она не сойдетъ съ своихъ основъ, не сдвинется съ нихъ.... Что другіе ее не сдвинуть—это не подлежитъ сомнѣнію,... но она можетъ быть обманута—вотъ опасность; заботиться о томъ, чтобы ее не обманули—вотъ въ чемъ должна состоять работа cadaго сына русской земли, cadaго сына православной церкви!

Затѣмъ, и все на той же первой страницѣ, говорится, что нынѣшніе славянофилы прямолинейные «псевдопатріоты, для которыхъ самый вопросъ о дѣйствительномъ благѣ Россіи, о томъ, какъ ей полнѣе и лучше усвоить и осуществить всечеловѣческую общественную правду—самый этотъ вопросъ пересталъ существовать!» Гдѣ это вычиталъ у насъ авторъ очерка? Гдѣ это мы говорили или говоримъ такія вещи?—Ничего подобнаго нѣтъ и не существуетъ.

Такое голословное обвиненіе слѣдовало бы подкрѣпить чѣмъ нибудь болѣе вѣскимъ, нежели голословное утвержденіе; слѣдовало бы указать на чемъ оно основано, привести цитаты изъ того, что нами говорилось или писалось послѣ смерти нашихъ предшественниковъ. По крайней мѣрѣ, ничего подобнаго на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества» найти нельзя. Трудно даже придумать, что могло подать поводъ автору возвести на насъ такое странное обвиненіе. Можно угадывать, что авторъ писалъ это «ab irato», недовольный тѣмъ, что новѣйшіе славянофилы такъ недружелюбно отнеслись къ тому, что г. Соловьевъ считаетъ «дѣйствительнымъ благомъ Россіи» и къ тѣмъ средъ твамъ которыя онъ предлагалъ для его достиженія. Смѣемъ его увѣрить, что и самые старые славянофилы, ежели бы г. Соловьевъ дѣйствовалъ въ ихъ время, отнеслись бы къ его теоріямъ и его предложеніямъ точно также отрицательно, какъ и новѣйшіе. И Хомяковъ, и К. Аксаковъ, и Самаринъ, не смотря на то, что они не сочувствовали эпохѣ до Севастопольской, что они были далеко не удовлетворены положеніемъ нашей церкви и горько на него жаловались, можетъ быть, дали бы отпоръ еще болѣе рѣзкій предложеніямъ г. Соловьева, нежели мы! Вѣдь жалобы ихъ, которые выписываетъ такъ подробно авторъ «Очерковъ», были обращены именно на то, что принципы ихъ, которые суть и наши, не были примѣняемы къ жиэни, что тогдашнія высшія сферы ихъ игнорировали. Но жалуясь вообще на положеніе дѣлъ, между прочимъ, и на положеніе церкви, они, конечно бы, отвернулись отъ лѣкарствъ, предлагае-

мыхъ г. Соловьевымъ, ибо знали, что излѣченіе церкви должно быть произведено не внѣшними средствами (да еще и вредными), а внутренними силами своей собственной, присущей ей, благодатию.

На до-Севастопольскую эпоху принято, въ особенности было принято, нападать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; главнымъ виновникомъ выставляютъ Императора Николая Павловича; это не совсѣмъ справедливо. Императоръ Николай былъ человѣкъ глубоко преданный Россіи; никто болѣе его не дорожилъ ея величіемъ, никто искреннѣе не желалъ ея блага, ни, кто, конечно, не страдалъ болѣе покойнаго Царя-когда обнаружилась ея неумѣлость встрѣтить какъ должно коалицію Западной Европы и Австріи; онъ ошибался, какъ ошибается и долженъ ошибаться всякій человѣкъ, отрѣзанный искусственными преградами отъ внѣшняго міра, въ особенности, когда ему приходится управлять громаднымъ государствомъ; онъ былъ обставленъ такими условіями, которыя давали ему возможность видѣть и слышать только то, что проходило черезъ разныя канцеляріи и департаменты и получало одностороннюю окраску даже и при полномъ безпристрастіи тѣхъ, которые засѣдали въ этихъ канцеляріяхъ, а это безпристрастіе было далеко не характеристической чертой ихъ дѣятельности. Покойный Царь самъ это чувствовалъ. Онъ съ грустію сознавался, что его можетъ всякій обмануть разъ, но прибавлялъ, что его два раза никто не обманетъ, въ этомъ дополнительномъ изреченіи онъ, къ несчастію, ошибался. Меттернихъ обманывалъ его до самаго 1848 года, а послѣ Меттерниха и до 1854 года его обманывали Меттерниховы преемники. Но и въ